

ПРОФИЛЬ КУМИРА

Французы называли его Джеймсом Дином 90-х годов. Сравнение напрашивалось само собой. Оба были ошеломительно красивы, наделены неукротимой сексуальностью и способностью жить по чьим-либо правилам, кроме собственных. Оба были бунтарями, но Сирил Коллар стал бунтовщиком в духе нашего времени: он писал книги, снимал фильмы, сочинял музыку и умер от СПИДа.

Когда Коллар приступал к съемкам «Диких ночей», выяснилось, что ни один актер не хочет рисковать своей карьерой: главный герой — Жан заражен вирусом СПИДа и к тому же гомосексуалист. Коллар сыграл эту роль сам. Его первая фраза в фильме: «Я путешествую по жизни так, как американцы путешествуют по миру, — ста-

раясь посетить как можно больше городов и увидеть как можно больше достопримечательностей».

Коллар — писатель, художник, музыкант, актер, любовник мужчин и обожатель женщин — прожил свои 35 лет в бешеном темпе. Он, как Бодлер, сжимал в руке апельсин, чтобы увидеть, почуять и почувствовать терпкий сок, стекающий с локтей.

И в «Диких ночах» — это безумное сверхчеловеческое напряжение сил. Короткие монтажные фразы сочетаются с головокружительными поворотами камеры: жизнь колоча и непредсказуема. Сцены любви и эпизоды саморазрушения; забавное трагическое.

...Жан страдает от непонимания и способности выбрать между 18-летней Лаурой (актриса-дебютантка Роман Боренже, приз «Сезар» за лучший дебют), безумно влюбленной в него, и своим приятелем гомосексуалистом Эми (Карлос Лопес). Он настолько себялюбив и эгоистичен, что даже не предупреждает Лауру о своей болезни, ув-

лекая ее в постель. Наш герой предельно просто объясняет свое отношение к жизни: «Надо думать о себе, потому что все время думать о других невозможно». Кстати, сам Коллар так сильно любил собственную персону, что друзья в шутку называли его «маленьким принцем».

Но фильм не осуждает, не поучает и не жалеет героя.

«Дикие ночи» потрясли Францию. И хотя с момента выхода фильма на экраны не прошло и полугодия, он уже стал произведением-культом, классикой французского кино. Пожалуй, это первая лента, снимающая проклятые с темы гомосексуализма и рискующая впрямую говорить о необходимости безопасного секса в эпоху СПИДа.

«Я так и не научился говорить «нет», — сказал Коллар незадолго до смерти. Это неуменье стоило ему жизни, но оно же и стало импульсом к рождению этого замечательного фильма.

Маркус МАБРИ.
НЬЮ-ЙОРК.

Сирил КОЛЛАР:

«ДИКИЕ НОЧИ» — ВОВСЕ НЕ ЗАВЕЩАНИЕ!

«Он должен продержаться хотя бы до восьмого марта...». «Будет слишком несправедливо, если он не увидит, как вся Франция будет чествовать его произведение...».

Все эти месяцы французская кинотусовка надеялась на чудо. Никто не говорил об этом впрямую, но все понижали голос, задавая друг другу неизменный вопрос: «Как дела у Сирила?» — «Вроде нормально». — И несколько дней спустя: «Как дела у Сирила?» — «Потихоньку».

Это «потихоньку» намеренно оставляло место для некоей неопределенности, но никто не мог подумать, что смерть совсем рядом. Четверг, 4 марта, 16.00.

«Поцелуй меня еще раз». Клод Дави, его друг, его помощник, его старший брат остановился на пороге палаты. Несколько минут спустя он закрыл за собой дверь.

На следующее утро, 5 марта, в 8 часов утра Сирил Коллар скончался. Он не дожидая триумфального вечера церемонии присуждения «Сезаров» всего 72 часа. Не увидел, как кинематографическая Фран-

ция увенчивает «Дикие ночи» двумя «Сезарами» — за лучший фильм и лучший дебют.

«Надеюсь, ты гордишься мною, Сирил... Уверена, даже там, где ты сейчас, тебе удастся найти кинокамеру и пленку», — сказала Роман Боренже, получившая «Сезара» за лучший актерский дебют в фильме «Дикие ночи».

Он не хотел выбирать. Ему было нужно все и сразу. Родители Коллара Жанин и Клод еще в детстве убедили его, что их мальчик — самый лучший на

свете, что он во всем должен быть первым. «Но разве самый лучший в мире — это обязательно самый лучший в Лилльской технической школе?» — говорил он, поднимаясь на борт самолета, улетающего в Пуэрто-Рико. Настоящая жизнь там, где много солнца.

Но, может быть, ему подойдет Каннская набережная Круазетт?

1980. Каннский фестиваль. Встреча с Морисом Пиала. Работа ассистентом на его фильме «Лулу».

1981—1985. Съемки в кино («За нашу любовь»), по-

становка первых короткометражных фильмов («La Baule — Dakar», «Grand huit», «Alger la blanche»).

1986. Он узнает, что ВИЧ-инфицирован.

1987. Первая книга («Приговоренная любовь»), первая пластинка, первые неудачи.

1989. Выпуск книги «Дикие ночи», которая посвящена «моим родителям и детям, которых у меня не будет».

1990. Съемки полнометражного телевизионного

фильма «Tagger» с участием Гийома Депардьё.

1991. Подготовка к съемкам «Диких ночей». Патрик Брюэль и Ипполит Жирардо отказываются играть героя-гомосексуалиста, зараженного вирусом СПИДа. Нелла Банфи соглашается стать продюсером. Коллар сам играет роль Жана.

1992. «Дикие ночи» выходят на экран. Создатель фильма становится героем. Его называют символом поколения эпохи СПИДа, хотя сам он вовсе не стремился к подобной «чеести».

Начало 1993 года. По Парижу ходят слухи об ухудшении его состояния. Сирил не отвечает на телефонные звонки. Сирил не встает. Сирил в больнице.

Вечер 4 марта. Я спрашиваю у Роман Боренже, будет ли Сирил присутствовать на церемонии. Пауза. Наконец, она тихо отвечает: «Думаю, да». Слово в последний раз стремясь оживить угасающую надежду, убедить всех, и в первую очередь себя, что любовь может бросить вызов смерти. И победить.

Жан-Мишель ГРАВЬЕ.
ПАРИЖ.

мрачно подошли к фильму, считали, что, если герой ВИЧ-инфицирован, значит, он не может легко относиться к жизни. В результате получался совсем не тот персонаж, какого мне хотелось бы видеть на экране. Я хотел воздушности, мечтал говорить не о смерти, а о жизни и любви. Они же ограничивали эмоциональный диапазон фильма, сводя происходящее к борьбе со смертью.

— Вам хотелось, чтобы герой обладал вашим характером?

— Я хотел сказать, что с этим можно жить. Конечно, многим хотелось бы сделать из меня «жертву № 1», но я с этим категорически не согласен.

— По-вашему, о СПИДе

должно говорить не только в трагических тонах?

— Повторю, я снимал фильм не о смерти. Мне хотелось заставить зрителей, сопереживая, в конечном счете принять СПИД как данность, от которой никуда не уйти. Чтобы зритель почувствовал близость с героем, я стремился показать Жана обычным человеком в нормальной обывденной жизни, а не отшельником на краю бездны. Поймите, мой герой — это все-таки не я, не Сирил Коллар. Фильм придуман, сконструирован — и ситуация, и персонажи. Когда я играл перед камерой, время от времени даже забывал, что это в некотором роде обо мне. Я хотел рассказать важную для ме-

ня историю так, чтобы для зрителей не было неясностей. Думаю, что фильм спустил курок, давно уже взведенный всеми происходящими вокруг нас событиями. Кинематографу и обществу был нужен именно такой фильм, людям надоело смотреть на чистеньких героев с их надуманными проблемами. В «Диких ночах» речь идет о сексе, СПИДе, темной стороне сознания — всем том, что волнует современного человека. Фильм не решит все его проблемы. Но по крайней мере убедит в том, что об этом можно и нужно говорить. Даст силы разобраться в самом себе.

Я открыл для себя новых интересных людей, о существовании которых даже не догадывался. Надеюсь, что в нашем с ними соавторстве моя любовь к ним ясна и ощутима. Да, фильм частично переплетается с реальностью. Но когда я писал книгу и потом снимал по ней фильм, я все-таки рассказывал некую историю. Да, Жан тоже болен, но во время съемок я даже мысленно говорил о герое в третьем лице — «он». По правде говоря, никогда не задавался вопросом, играю ли я самого себя, мне не хотелось искушать судьбу, призрачиваясь к заряженной ми-не — это опасно с психологической точки зрения.

— Когда вы признались родителям, что стали гомосексуа-

листом, они были потрясены. Как они восприняли известие, что вы заражены вирусом СПИДа?

— Очень достойно. Они держались молодцами.

— Отношения Жана с родителями похожи на ваши отношения с отцом и матерью?

— Немного. Отношения Жана с матерью очень двойственны, они одновременно и обуюдо нежны и агрессивны. Между ними постоянно проскальзывают искры. Что касается отца — с ним полная некоммуникабельность. Он хочет поговорить, но не способен первым пойти на контакт из ложного чувства стыдливости. Их взгляды изредка скрещиваются, чувствуется, что они постоянно думают друг о друге, но ни один не способен первым сделать шаг навстречу, положить руку на плечо. Эти люди немного похожи на моих родителей, у них есть недостатки, как и у всех людей, но они никогда не были моралистами и ханжами. Родители сказали мне, что им очень понравился фильм. Обычно мы редко видимся и, как правило, почти не говорим об интимном.

— Ваш фильм оптимистичнее книги?

— Он романтичнее, в нем больше места уделено истории любви, это прежде всего рассказ об эгоистичном человеке, который через любовь учится открывать свое сердце другим людям.

— С вами тоже произошло подобное?

— Так же, как и с Жаном. Оптимизм фильма — в возможности иначе взглянуть на мир. Это не значит, что я стал «розовым» оптимистом. И все-таки я оставляю за героем право на надежду. Это справедливо. В последние месяцы я стал иначе видеть все то, что меня окружает. Знакомые предметы и вещи обрели странную значительность и глубину. Я стал «читать» мир по-другому и по-другому жить в нем. Это очень трудно объяснить. Наверное, можно говорить о том, что в фильме присутствует тема покаяния. Я очень недоверчиво отношусь к религиозным терминам, но как здесь обойтись без них? Ведь аналогичных светских слов не существует. В начале фильма Жан совершает великий грех — он занимается любовью с Лаурой, не предупредив ее о болезни. И только потом осознает это как грех.

Я не смог избежать и религиозной символики: в фильме появляется изображение креста, звучит фраза апостола Павла: «Tout est pur pour les purs». Хотя чистота живет в душе героя изначально. Жан воспитывался не в доме родителей, а в колледже, поэтому он скорее пантеист, нежели католик.

— По-вашему, есть смысл надеяться?

— Да, несмотря ни на что. Я не хожу в церковь, но Бог иногда помогает мне.

— Как вы работаете под постоянной угрозой, дамокловым мечом?

— Когда я узнал, что ВИЧ-инфицирован, мне было страшно. Ужасно страшно. Чувство провала в бездну. Потом пришло спокойствие. Вам может показаться, что я сейчас слишком спокойно об этом говорю, но мое моральное состояние тесно связано с физическим. Пока могу работать, я работаю. Но никогда не забываю. Понимаю, что СПИД не победить моральной стойкостью, но вместе с тем мне кажется: если я перестану действовать, это будет означать одно — капитуляцию. И потом, зрители хотят увидеть мои новые фильмы. Так что «Дикие ночи» — вовсе не завещание!